

ХIII МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНГРЕСС ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

Москва, 16–23 августа 1970 г.

М.: Главная редакция восточной литературы. Наука. 1970

Пьер ГУБЕР. ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ФРАНЦУЗСКОГО ДВОРЯНСТВА

Жан МЕЙЕР. ДВОРЯНСТВО ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ В XVII ВЕКЕ

Веб-публикация: мистер [Невил](#) и редакторы библиотеки [Vive Liberta](#) и [Век Просвещения](#), 2010

Пьер ГУБЕР

(25.01.1915, Франция)

ОБЩИЕ ПРОБЛЕМЫ ФРАНЦУЗСКОГО ДВОРЯНСТВА

1. Проблема определения

Совсем не важно, как называть дворянство — кастой, сословием, классом или даже расой. Во Франции так же, как и во всей Европе, с самых давних времен, которые только можно себе представить, вплоть до Французской революции и даже еще в XX в., всегда существовали группы людей, называемые дворянами (nobles) или эквивалентными терминами. Им было присуще ощущать себя отличными от других людей, стоящими бесспорно выше их; все же остальные — недворяне, ротюрье, более или менее добровольно признавали себя стоящими вне дворянства или ниже этого сословия. Такой порядок вещей имел место при любых экономических и политических режимах (исключением, правда, является большинство революционных режимов, хотя их антидворянский характер можно интерпретировать, как признание существования дворянства (noblesse), которое подлежит уничтожению).

Со времен римской Галлии до эпохи V Республики, когда богатые и могущественные лица во всем подражали дворянству, изменяя имена, обзаводясь титулами и принимая тот образ жизни, который они считали присущим собственно дворянству, почти постоянное существование одного или нескольких типов дворянства, характер которого, конечно, менялся, представляет собой поразительный факт, одно из наиболее длительных проявлений человеческого тщеславия.

В XVII в. дворянство составляло не более 2% от общего числа французов, а, может быть, еще меньше. Но львиная доля всех богатств и власть все еще были сосредоточены в их руках. Так как

сельское хозяйство (более 75%) доминировало в экономике той эпохи, и больше половины промышленной продукции производилось деревенской промышленностью, основным богатством дворянства могла быть только земля. Земля являлась источником могущества и власти дворянства. Источниками этого могущества издавна было также обладание основными средствами ведения войны (лошадьми, оружием, крепостями), врожденные или приобретенные склонности и способности к военному искусству; могущество дворян зависело и от количества воинов как дворянского, так и недворянского происхождения, находившихся на постоянной службе или набравшихся на время из числа домочадцев, лиц, находившихся в вассальной зависимости у дворян, из их челяди, их клиентеллы. Но в XVII в. это последнее преимущество исчезло: различные формы фронды представляли собой последнее его проявление.

Определенный стиль жизни, возможный благодаря их состоянию и жалованию короля, характеризовали дворянство даже в XVII в., когда уже исчезла относительная военная и локальная независимость дворянского сословия. Особые прически и одежда, ношение шпаги, культ чести и вопрос чести, строго определенные правила охоты, верховой езды, дуэлей, танцев, любовь к геральдике и генеалогии — вот самое существенное, что имитировали богатые ротюрье, становясь в этом смысле поистине тенью дворянства; они пренебрежительно относились к расходам, экономии доходов и капитала — до такой степени хвастовство и мотовство казались качествами, обязательно присущими дворянам. В XVII в. такой образ жизни в общих чертах, конечно с присущими ему особенностями, был типичным для так называемого «высшего общества», которое служило образцом для тех, кто не принадлежал к дворянскому сословию, но горел желанием стать дворянином. Можно даже утверждать, что поскольку это высшее общество было образцом для всех единодушно стремившихся аноблироваться, то есть для богатых ротюрье, существованию старого порядка во Франции не грозила никакая опасность. (Так называемые народные восстания никогда ему серьезно не угрожали.) Несколько углубляя эту мысль, можно также утверждать, что французское общество XVII в. не имело «настоящей» буржуазии, то есть крупной буржуазии (была только мелкая), так как те, из кого могла бы сформироваться крупная буржуазия, только и стремились раствориться в дворянской среде.

Очень важно подчеркнуть, что долгое время основой института дворянства являлось происхождение. Дворянин был «рожден», ротюрье довольствовался тем, что существовал. Быть рожденным дворянином было присуще только дворянину, и только ему было присуще порождать дворян, даже если его женой была женщина недворянского происхождения, лишь бы она была его законной женой. Даже лицо, недавно получившее дворянство юридически (или психологически), считающееся действительно аноблированным, в дальнейшем имело своей отличительной чертой то, что его потомки тоже становились дворянами. Поль Валери, никогда как следует не понимавший истории, между тем верно подметил, что «дворянство – это семенной ликер». Самым главным различием внутри самого дворянства была дата, начиная с которой этот «ликер» получил это свое особое свойство. Отсюда – те родословные, нередко ложные, которыми буквально наводнены наши архивы. И везде заметно, доходящее до смешного, стремление отодвинуть эту дату, как можно дальше в прошлое. Многие дворянские междоусобицы являлись по существу спорами по поводу того, с какого момента датировать дворянское происхождение, ибо дворянство убеждено, что даже его внутренняя текстура (предрассудки по поводу крови, расы) глубоко отличается от текстуры других людей.

С конца XVII в., когда Францию буквально наводнил поток грамот, жалующих дворянство, продаваемых Людовиком XIV, положение изменилось. Всякий богатый и могущественный человек в конце концов получал дворянство, это являлось своеобразным украшением, мы сказали бы его «standing». Это, с одной стороны, обесценивало саму принадлежность к дворянству, с другой – вызывало гнев (см. Сен-Симон) и охранительные тенденции со стороны наиболее древних дворянских родов, что получило название «дворянской реакции», – для ротюрье, или лиц совсем недавно аноблированных, стало невозможным занимать некоторые должности и осуществлять некоторые функции. Но это было более характерно уже для XVIII в.

2. Юридические проблемы

После очень долгого и незаслуженного пренебрежения юридическими проблемами, они, наконец, попали на первый план. Достаточно прочесть книгу Франсуа Блюша и диссертацию Жана Мейра («Бретонское дворянство в XVIII веке»), чтобы понять, что невозможно изучать институт дворянства, не зная всех юридических тонкостей, определяющих его природу. В этой области, основное – знание обычаев, которые неукоснительно со-

блюдались до 1789 г. Дворянское право, особенно вопросы, касающиеся брака, наследования и т. д., варьируется в различных провинциях, так же как и положение дворянской женщины. В различных провинциях французское дворянство имело свои особенности, причем, без сомнения, они не сводились к незначительным нюансам: для Востока Франции характерна аскетическая строгость; для Запада – кельтская чувствительность; для Юга – учтивость и непринужденность.

В настоящее время общеизвестно, что, за исключением Беарна, обладание дворянскими землями не давало личного дворянства, в особенности на Юге, где *la noblesse des terres* и личное дворянство (*la noblesse des hommes*) были независимы одно от другого. Талья на Юге представляла собой налог, в котором не было ничего «низкого»; все дворяне его платили в зависимости от размеров ротюрных земель, которыми они владели, а они владели ими в широких масштабах.

В действительности, во французских парламентах занимали должности дворяне и чаще всего представители самых древних родов, что, правда, противоречит общепринятому в течение долгого времени мнению; это одно из самых интересных положений диссертации Жана Мейера, которое с успехом можно применить не только в Бретани. Различие между дворянством мантии и дворянством шпаги по большей части крайне поверхностно и в провинциях неоправдано гораздо больше, чем в Париже. Что же касается старого понятия «парламентской буржуазии», то оно не отвечает действительности. Если буржуазия действительно существовала в XVII в., то искать ее нужно за пределами парламентов.

3. Экономические проблемы

Дворяне (XVII в.) с незапамятных времен были самой богатой группой населения Франции. Чтобы правильно оценить их богатство, нужно мыслить категориями дохода, как это делали в ту эпоху, а не капитала. Дворяне были собственниками (в широком смысле этого слова) более, чем четвертой части всех земель Франции, может быть даже и третьей. Им же принадлежали (в областях менее обширных, чем в центре Европы) и другие наиболее богатые угодья: луга леса (цены на которые побили все рекорды), виноградники, лучшие пашни. Как сеньоры, они взимали разные виды сеньоральной ренты (некоторые называют ее феодальной) почти с трех четвертей французской территории. Католическое духовенство собирало доходы почти со всех епископств Франции, почти со всех крупных аббатств (правда и

монахам перепадало кое-что), с самых богатых капитулов; дворяне участвовали в распределении доходов церковных владений, присовокупляя их к своим собственным, в доходах, складывающихся из десятины, причем и здесь в их карман попадало все самое лучшее. Низшему духовенству, ротюрье, оставались лишь жалкие крохи. И очень возможно, что дворянство получало добрую половину церковных доходов.

Кроме того дворянство присваивало себе и значительную часть королевских доходов. Высшие должностные лица короны, должностные лица королевских домов, министры, государственные секретари и советники, докладчики в государственном совете, секретари короля, просто куртизаны, дворяне получали за свою службу, за отправление действительных и фиктивных должностей регулярное жалование, которое постоянно увеличивалось за счет различных вознаграждений и пособий, и кроме того, королевских пенсий.

Земельная рента (rente fonciere), синьоральная рента, церковная рента и десятина, государственная рента (rente gouvernementale) – все текло в руки дворян; таким образом 20–30% доходов всей страны оседало в карманах всего у 2% населения, а именно таким по численности и было дворянство, то есть каждый из них получал в 20–30 раз больше того, что имел средний француз. Сюда же нужно добавить и значительную часть доходов, идущих от снаряжения кораблей; от откупа государственных доходов и даже от первых крупных промышленных предприятий нового типа. В Стокгольме, еще в 1960 г. во время Конференции, посвященной экономической истории, Пьер Леон указывал, что в начале XVIII в. дворяне владели большинством угольных шахт и производительных сил в металлургической промышленности.

Если теперь снова вернуться к XVI в., то нельзя обойти молчанием теорию, которой, начиная с Анри Озе, придерживались многие, заключающуюся в том, что «революция цен» XVI в. якобы «разорила» дворянство, так как его доходы были определены в денежном выражении еще много веков тому назад, и, наоборот, обогатила «буржуазию». Историки всех времен всегда думали, что они совершают открытие, заявляя, что «дворянство» беднело в то время, как «буржуазия» обогащалась, но они не дают себе труда задуматься над вопросом, какие группы населения и какие типы доходов отвечают этим столь общим понятиям «дворянство» и «буржуазия». В XVI в. только одна из составных частей сеньоральных доходов, а именно – фиксированная денежная рента (ценз или чинш) потеряла свою значимость; но нельзя

забывать, что именно эта часть всегда была наименьшей, она же и уменьшилась еще больше; все же прочие элементы, из которых складывались доходы дворянства (земельные, помещичьи, десятина, королевские – *fonciers, seigneuriaux, decimaux, royaux*), наоборот, либо повышались пропорционально росту цен, либо превосходили его. Но правда и то, что знатные дворянские семьи сильно обеднели в XVI в., гораздо больше, чем в предшествующие века; но повышение цен явилось здесь лишь второстепенной, дополнительной причиной. Истинной же причиной этого «обеднения» были громадные расходы, связанные с гражданскими и религиозными войнами, разрушения, которыми они всегда сопровождались; потеря королевского расположения, и что еще чаще – неоправданные расходы, иногда превышающие доходы, неразумное ведение хозяйства в вотчинных имениях.

Не нужно забывать и о литературном, сентиментальном аспекте понятия «бедное дворянство». Франция не Испания. За исключением отдельных случаев, во Франции не существовало по-настоящему бедных дворян (а уже действительно бедного духовенства тем более), бедных в соответствии с критерием бедности для ротюрье. Даже в Бретани Жак Майер не нашел действительно бедных среди представителей дворянства, исключением, правда, явились несколько младших представителей многодетных семей, поскольку по обычаю все наследуют старшие и почти ничего младшие; но и все эти младшие, находившиеся в стесненных обстоятельствах, имели челядь. Причина этого, вероятно, проста: очень редко обедневшие представители знатных фамилий попадали в положение простых людей, это случалось, только тогда, когда они не в состоянии были сохранить хотя бы внешне тот образ жизни, который подобает вести дворянину. В этих случаях их можно было найти в податных списках ротюрье или в благотворительных заведениях. А уже если и были по-настоящему бедные дворяне, дворянство быстро выкидывало их из своего сословия.

4. Политические проблемы

Общеизвестный факт, что роль могущественных и древнейших дворянских фамилий, располагающих значительной провинциальной клиентеллой, стремящихся быть у власти, постепенно, сначала Генрихом IV, затем Ришелье и Мазарини была сведена на нет. После фронды, этой последней и неудачной попытки, часть дворянства, которая восхищалась великим и властным королем и которую он, к тому же, осыпал золотом и почестями, полностью покорилась Людовику XIV. Другая же часть

дворянства замкнулась в оппозиции, особенно ясно проявившейся в конце XVII в. (L.Rothkrug, *Opposition to Louis XIV*). В том, что эта оппозиция была аристократической и руководствовалась примерами отдаленного, легендарного прошлого, нет ничего удивительного. Если не принимать во внимание некоторых великих мыслителей, в основном, образ мыслей почти всех мыслителей и реформаторов XVII в. уходил своими корнями в прошлое, в прекрасное прошлое «золотого века», доброго старого монархического режима, испорченного этими ужасными «нововведениями».

XVIII век изобрел идею прогресса, он решительно устремился в будущее, к новым идеям и идеалам; XVII же век, наоборот, был обращен в прошлое.

Этот политический отход от старого дворянства сопровождался интересным явлением: образованием нового, «политического» дворянства, очевидно буржуазного по происхождению, которое служило королю и поощрялось королем. Внуки торговцев и судей, должностных лиц финансового ведомства, разбогатевших на откупе налогов, военных поставках и займах, предоставляемых королю, получившие дворянство в последние десятилетия XVI в., сумели примкнуть к Генриху IV и Сюлли, когда не было еще поздно, а именно, в последние десятилетия религиозных и гражданских войн, сразу после 1590 г. Они помогали править трем королям XVII в., они стояли во главе почти всех сколько-нибудь важных государственных дел. Помпоны, Брюляры, Фелипо, Февры, Лямуаньоны, Сегье, Ле Телье и их клиенты Кольберы и многие другие, все, конечно, дворяне правили Францией на протяжении всего XVII в. Все эти фамилии заслуживают не литературных биографий, а систематического и вдумчивого изучения.

После периода недовольства и оппозиции старое дворянство, в основном, приняло новую политическую и королевскую знать, оно было счастливо и считало почетным для себя жениться на ее дочерях и ее миллионах, жить в ее замках, раствориться в общем потомстве, затем править вместе с ней страной в течение почти всего XVIII в.

5. Культурные проблемы

Ничего удивительного нет в том, что большая часть дворянства была хорошо воспитана и образована: утонченная образованность не была уделом буржуазии. Наоборот, невежественное и ограниченное дворянство скорее могло бы обратить на себя внимание.

Существовал ли особый тип дворянской или аристократической культуры, специально культивируемый иезуитами в колледжах? Может быть, хотя больше изучались их методы, чем результаты. Но сыновья самых богатых ротюрье и отпрыски дворянских фамилий получали одинаковое образование.

Янсенизм, буржуазный он или дворянский, как некоторые это пытаются подчеркнуть, так же как они думают, что члены парламента были выходцами из буржуазной среды? Дворянским и помещичьим было по происхождению барокко? Классицизм, не был ли он порожден буржуазией, в особенности, парижской? Докладчики могут лишь сомневаться в том, что кажущаяся им принадлежность отдельных культурных явлений, которые, якобы, характеризуют только отдельные группы людей в зависимости от их принадлежности либо к дворянству, либо к ротюрье, либо к духовенству и т.д. не может явиться единственной причиной этого. И вообще, соотносится ли социальное значение различных проявлений культуры (которые никак нельзя ограничивать деятельностью элиты) с обычными понятиями сословий или классов, столь общими и спорными?

Заключение

Чтобы получить ясный ответ на вопросы, затронутые в данном докладе, нужно прежде всего обратиться к систематическому изучению богатейших, но разрозненных архивов дворянских фамилий Франции XVII в., чтобы основываясь на большом фактическом материале опровергнуть или подтвердить давние предубеждения, легковверные речи и необоснованные словопрения. Тщательное изучение этих данных, обращение к проблематике английской аристократии, затронутой в образцовой книге Лауренса Стоуна (*Lawrence Stone, The Crisis of the Aristocracy, 1558–1641*), использование новейших технических средств, столь типичных для университетов Северной Америки — все это оказало бы неоценимую помощь для создания всесторонней и полной истории древнейшего французского дворянства. Для этого нужна еще большая широта ума, много времени, чтение большого количества литературы, обращение к счетным машинам, и, конечно, новейшая техника, которой французские исследователи, к сожалению, не располагают.

ДВОРЯНСТВО ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРОПЫ В XVII ВЕКЕ ¹

Положение дворянства Священной Римской Империи накануне Тридцатилетней войны определяется глубокими эволюционными процессами, начавшимися в Центральной Европе в период, охватывающий 1430–1450 гг. Это время крушения «дворянской культуры».

Дворянство позднего Средневековья было поставлено под угрозу союзом князей и городской буржуазии, с одной стороны, и эволюцией военного искусства, с другой. Этот факт находит свое выражение в политическом и техническом развитии торгового и промышленного капитала, который извлекает выгоду из перемещения главной оси европейских коммуникаций из Западной Европы, опустошенной Столетней войной, в Центральную Европу. Начинается, так называемая, первая «дворянская реакция». Рыцарские турниры достигшие своего апогея в XVI в., культ чести, который с начала заката Средневековья до Тридцатилетней войны и даже после нее является краеугольным камнем дворянской идеологии, распространение дуэлей, и, в особенности, дворянский консерватизм (право пополнять капитулы только дворянами; доказательство дворянского происхождения до 8 поколения, позднее до 16), культ геральдики, которым проникнуто немецкое искусство на протяжении всего XVI в. (яркий пример – гравюры на дереве Дюрера) – таковы основные компоненты дворянской реакции².

Отсюда вытекает сложная проблематика XVI в. Перед лицом гуманизма одна часть дворянства образует культурную и политическую элиту, посещает университеты и княжеские дворы, основывает «Kavalierstour». Другая часть, наиболее многочисленная, отказывается от ограничения дворянских «свобод», которое является следствием этой эволюции. Эта часть дворянства становится паразитической, грабительской, или исчезает совсем, вымирая или деклассируясь. В период Реформации существующий порядок подвергается тяжелым испытаниям. В эту эпоху развития военной техники отношение дворян к военной службе остается весьма осторожным, и участие их в «Landsknechtum», несмотря на пример императора Максимилиана, было незначительно. (Кроме Северо-Западной Германии.)

Этот антагонизм становится особенно острым к концу XVI в. и достигает наивысшего накала накануне Тридцатилетней войны. История этой войны представляет собой значительный пробел в

истории «современной» Германии³. Если бы можно было свести все бесконечное разнообразие событий в единую схему, что довольно трудно из-за того, что эти события хронологически сдвинуты и принадлежат к противоположным тенденциям, то можно было бы в настоящее время выделить следующие основные черты.

До 1618 г. влияние дворянства идет на убыль. Экономический регресс в Центральной Европе в конце XVI в. особенно затрагивает металлургию и горную промышленность (металлургию Штирии и Верхнего Пфальца, ртутные шахты Идрэ и т.д.). Причиной кризиса частично являются крупные испанские банкротства, которые отражаются на заимодавцах в Южной Германии. Здесь кроются причины частых обращений к итальянским аристократическим семьям, даже в протестантских странах, и проникновение иммигрантов иностранного происхождения в среду местного дворянства. Экономическая система, господствующая в сельском хозяйстве, тяжела для крестьянских масс и отнюдь не принадлежит к лучшим экономическим системам. Исключение составляют несколько островков дворянского процветания, из которых наиболее известна Нижняя Саксония. Дворянство Нижней Саксонии проводит до 1600 года плодотворную политику, которая заключается в создании войск наемников, военное значение которых было оценено, например, во время религиозных войн во Франции. Политическая эволюция, о которой говорилось выше, становится все более напряженной. Государства, перешедшие к Реформации, нуждаются в «специалистах»: юристах и теологах, способных определить политико-религиозные структуры административной организации. Это требует специальных знаний, которые дворянство не в состоянии предоставить. Положение в государствах, оставшихся католическими, не меняется. Сокращение дворянской земельной собственности в этих государствах, может быть, более значительно, чем в странах, где была проведена Реформация, так как конфискацией церковных земель воспользовалась в первую очередь высшая аристократия. Князья присвоили себе большую часть добычи. Дворянство отстает вообще во всех областях и занимает оборонительную позицию, чтобы защищать свое традиционное положение. Упадок социального престижа дворянства настолько очевиден, что «патрициат» и новые слои, пришедшие к власти («администрация»), не стараются больше получить дворянский титул как таковой, если только это не необходимо для международных связей, чтобы сравняться с себе подобными в остальных странах Европы (Испании, Италии и т.д.).

Не поддающаяся описанию катастрофа Тридцатилетней войны уничтожает многие тенденции исторического развития. Дворянство подвергается значительным изменениям, оно выходит из войн искалеченным биологически. Даже география дворянства после войны не остается прежней. Австрийское и чешское дворянство, исповедующее протестанство накануне войны, должно было или подчиниться или эмигрировать. Повсюду разрушения, причиненные войной, были огромны. Новый порядок вещей заставляет себя признать. И этот новый порядок, как это ни парадоксально, был чрезвычайно выгоден для дворянства. Во многих государствах, особенно в Центральной Германии, религиозный вопрос теряет, по крайней мере в среде дворянства, свою остроту и часто приводит к неожиданным компромиссам⁴. Но не это главное. Государства, во главе которых стоят князья, вооруженные «Landeshoheit», достигают апогея своего внутреннего могущества. Жизненная необходимость перестройки существующей системы приводит повсюду к относительной централизации, которая выгодна князьям. На этот раз дворянство сосредоточивает в своих руках все самые высокие посты правительственной иерархии и «администрации» (исключение составляет австрийское дворянство, которое наполовину заменили дворяне иностранного происхождения)⁵. В армии происходит то же самое. Однако не следует слишком унифицировать все тенденции эволюции. Создание сословия офицеров-дворян со специальным привилегированным статутом, этого основного элемента «национального» государства, является специфичным для Пруссии. Этот процесс заканчивается в XVIII в. В противоположность прусской, Австро-Венгерская армия могла бы квалифицироваться как «европейская»⁶. Как бы то ни было, дворянство обновляется. «Патриции» (или то, что от них осталось), буржуазия и деловые крути, снова стремятся получить дворянский титул. Таким образом создается настоящая новая аристократия, чрезвычайно пестрая по составу в зависимости от времени и страны. Но этой новой аристократии не хватает, подчас, хозяйственной и, особенно, «промышленной», инициативы. Хотя война и пощадила альпийские земли Австрии, экономическое развитие этого района несравнимо с экономическим развитием Швейцарии. Наоборот, сеньории почти повсюду послужили основным ядром, вокруг которого происходила реконструкция сельских районов. Этим частично объясняется факт распространения стиля барокко в княжеской и дворянской среде. Барокко – это в некоторой степени другая форма «Adelskultur». Ясно, что Тридцатилетняя война нанесла тяжелый удар

могуществу городов и буржуазии. Новые меценаты – это князья, особенно князья церкви, и высшее дворянство. Религиозный раскол, закрепленный Вестфальским миром, который одновременно и несмотря на обобщение «Kavalierstour» явился расколом интеллектуальной жизни и расколом университетов, определяет противопоставление двух барокко. На барокко Северной Германии во второй половине XVI в. влияет Голландия. Барокко Южной Германии и габсбургских земель ориентируется на французское и итальянское барокко.

Сопутствующие проблемы

Дворянство и армия. Это один из наиболее изученных вопросов. Количественные данные повлияли на решение данной проблемы и изменили общие перспективы. XVI век – это время крупных военных предпринимателей (оберсты, капитаны) наемников (Landsknechtum), которые постепенно вытесняют последние феодальные пережитки (служба вассалов в войсках сюзеренов). Однако, как уже было сказано, участие дворян в военной службе остается весьма умеренным, и их количество в армии немногочисленно. Образ мыслей дворянства эволюции не подвергся. Важная военная реформа, проведенная Оранским, наметила тенденцию превращения начальника наемников в офицера и нашла подражателей.

Но Тридцатилетняя война уничтожила эту тенденцию, выдвинув на первый план генералов, стоявших во главе войск наемников. Эти люди в очень редких случаях были дворянами. Но сама война показывает князьям всю опасность сложившейся ситуации (полководец Валленштейн). Отсюда попытка свести на нет эту тенденцию, опасную для династических интересов. Речь здесь идет о том, чтобы сделать начальников наемников подданными князей. Этот процесс развивается довольно быстро в зависимости от средств, которыми располагают главы государств. Вот два несколько противоречивых примера Австрии и Пруссии, хотя между ними и существует некое торое сходство. В то время, как крупные военачальники периода 1618–1648 гг. часто по своему происхождению принадлежат к буржуазии, в состав штабов входит все больше и больше высшее дворянство и даже там, где это возможно, представители семейств, близких к княжеской фамилии. Часто эту тенденцию относят за счет «абсолютизма». Нам кажется, что она продиктована необходимостью. Но среди офицеров возникают разногласия, причина которых – разногласия между государствами. Офицерство многонационального государства Габсбургов интернационально по составу и включает

представителей различных сословий, причем дворянство не представляет собой большинства. Среди дворян мало австрийцев. Австрийское дворянство, состав которого обновился благодаря эмиграции дворян-протестантов, склоняется больше к службе при дворе и к административной деятельности. Вот почему офицерство в состав которого входят и ротюрье, вплоть до звания капитана, способное на политическую инициативу (граница с Турцией), с точки зрения военного искусства не такое сильное, как прусское (по крайней мере, в XVIII в.). Но зато австрийская армия лучше экипирована современным для того времени оружием.

В Пруссии князь навязали дворянству особую концепцию, согласно которой дворянство должно было быть предназначено для особой исторической роли. Вся военная иерархия состояла из дворянства, которому князь сумели внушить идею абсолютного повиновения «Lan-desherr», офицеры которого были одновременно и особыми представителями и слугами князя. Таким образом, сложился институт, призванный нейтрализовать все попытки той части дворянства, которая располагала средствами политической борьбы, но находилась в тяжелом экономическом положении, завоевать политическую независимость. Офицер, благодаря продвижению по старшинству, уверен в своем будущем (по крайней мере, относительно), сохраняя свои тенденции дворянского эгалитаризма (в течение долгого времени в прусской армии не существует знаков различия чинов). Офицерство старается связать свои идеалы с идеалами средневекового рыцарства. Этот процесс начинается с изменения, очень мало изученного, статута начальника наемников. Кажется, что процесс, который отмечался повсюду, был процессом унификации «capitulations» и его превращением в долгосрочный контракт (в Австрии понимание армии, как службы, выражено более четко).

Встает вопрос, действительно ли, как это часто повторяют, дворянство было увлечено службой в армии. В Южной Германии количество дворян в маленьких княжеских армиях, в частности, в Баварии и Майнце, часто очень немногочисленно. Данные по Бранденбургу довольно неопределенны⁷. Если к 1800 году все офицеры являются дворянами, это не означает, что все дворяне являются офицерами. В конце XVIII в. 4% прусских дворян посещали университет, 20% получили военное или гражданское образование. Таким образом, 60% дворян оставались в своих поместьях! Количество дворян, служивших в армии в XVII в., тем более, должно было быть меньше.

Проблематика политической роли парламентов — ландтагов, в которых доминировало дворянство, изложена в недавно вышедшей книге⁹. Мы не собираемся здесь резюмировать ее или обсуждать различные изложенные в ней аспекты. Но сама проблематика дворянства должна поставить вопрос о связях, которые существовали между этими органами и реальной экономической и общественной жизнью. Указанные выше цифры показывают всю сложность ситуации. С одной стороны, отрицание роли ландтагов, в которых эгоистические интересы дворян с их понятиями о «классе» и «сословии» сталкивались с неизбежной эволюцией абсолютистского государства. С другой стороны, попытка реабилитации ландтагов, предпринятая несколькими немецкими историками. Истина может быть выявлена только при помощи цифровых данных, которые собирались систематически. Основная проблема, как нам кажется, это участие дворянства в управлении государством. Следовало бы обосновать этот вопрос цифровыми данными. Только при помощи цифр можно установить, какая часть дворянства поддерживала идею создания абсолютистского княжеского государства нового типа, и какая часть дворянства защищала противоположную концепцию, государство средневекового типа, в управлении которого принимало участие дворянство.

Пример Саксонии показывает насколько слабым было сопротивление дворянских ландтагов абсолютизму, хотя следует отметить и некоторые победы, одержанные дворянами. В течение всей второй половины XVII в. дворянство осуществляет финансовый контроль, правда довольно ограниченный. Но оно пользуется этим чтобы сохранить и увеличить свои собственные фискальные привилегии. Но начиная с периода Тридцатилетней войны, дворянство теряет всякое влияние на внешнюю политику. Решительное столкновение дворянства и абсолютистской власти происходит после 1680 г., когда князь создает регулярную армию. В конце концов, дворянство сдается, поняв, возможно, какие материальные преимущества дает ему возможность «пристроить» своих детей. Тем не менее, в 1694 г. Ян-Георг IV угрожает дворянству применением силы, если оно не согласится выполнять его распоряжения, касающиеся налогов. Август Сильный (1694—1733) одерживает решительную победу, но, тем не менее, возможность его вмешательства весьма ограничена. Относительное равновесие устанавливается к 1727 г. с признанием традиционного статута. Августу так и не удалось полностью навязать дворянству свою волю и приводить полностью

независимую политику. Этика саксонского дворянства находит свое отражение в книге «Der Christentstaat» (1685), написанной фон Секендорфом (von Seckendorff). Несмотря на сопротивление дворянства, XVIII в. диктует свои условия, и дворянство все быстрее подчиняется власти князя, благодаря службе при дворе, военной службе, участию в административном аппарате, а так же тому, что князь использовал и дворян, которые не были саксонцами. В свою очередь, государство после Тридцатилетней войны с ее тяжелыми последствиями подтвердило права сеньоров в ущерб интересам крестьян.

Дворянство и экономика, в связи с религиозными проблемами.

В этом вопросе Тридцатилетняя война явилась решающим фактором. И если невообразимый размах «Wustungen» хорошо известен, в настоящее время остается определить действительную роль дворянства в восстановлении разрушенной войной экономики. Какие отношения существовали между феодалами и крестьянами? Каково было отношение дворянства к экономическим вопросам? Исследования, проведенные в этой области, являются гораздо менее полными, чем исследования, проведенные в других областях. Возьмем уже упомянутую Австрию. Некоторые историки, изучающие дворянство, считают, что именно католическое дворянство несет ответственность за длительный застой в некоторых отраслях экономики (металлургия, горнодобывающая промышленность). Или они, по крайней мере, считают, что уход дворян-протестантов, более динамичных в вопросах экономики, это причина некоторой индифферентности оставшегося дворянства к экономическим проблемам. Можно отметить, что каковы бы ни были причины, реконверсии были неизбежны, объяснялись ли они истощением некоторых залежей, заметным еще до 1600 г., или слишком малой рентабельностью ряда предприятий, связанной с изменением конъюнктуры.

При изучении данной проблемы нельзя не упомянуть экономический резонанс Реформации и Контр-Реформации. Первый аспект этого вопроса – общее отношение дворянства к религиозным проблемам. Кажется, что роль дворянства в распространении протестантизма настолько разнообразна, что в настоящее время любое обобщение рискует остаться неправомерным¹⁰. Частично в Северной Германии, а также в Средней Германии осознание окончательного разрыва между католическим и протестантским миром произошло настолько поздно, что его относят к периоду между 1560 и 1590 гг. Дворянство часто содействовало тому, чтобы в зависимости от

обстоятельств переход из одной религии в другую не был затруднен¹¹. Наоборот, большая часть дворянства габсбургских стран, от Венгрии до Богемии, перейдя через Альпы (за исключением Тироля), оказывается протестантской к 1600 г. Угроза турецкого нападения гарантирует этому дворянству в течение некоторого времени реальную независимость¹². Именно в этом феномене политико-религиозного характера и следует, по-видимому, искать причины столь энергичного противодействия Реформации со стороны Габсбургов. Это противодействие в какой-то мере объясняется верностью династическим интересам и общими интересами христиан в борьбе против турок. Отсюда и та относительная легкость, с которой Габсбурги первое время шли на компромисс (мы не собираемся обсуждать политическую мотивацию этих компромиссов), и в дальнейшем диктовали свою волю дворянству, запутавшемуся в противоречиях. Этим же объясняется успех Контр-Реформации в Штирии-Каринтии. Но вот пример, который заставляет задуматься: сопротивление чешских дворян-протестантов, материальные интересы которых были поставлены под угрозу, оказывается непосредственным поводом для развязывания Тридцатилетней войны. В конце концов, все зависит от времени и места.

Вестфальский мир поднимает другие вопросы религиозного и экономического порядка. М.В.Тапье (Tapie) справедливо подчеркнул, что мир 1648 г. отнюдь не означает поражения Габсбургов. Они сохраняют нетронутыми результаты, которых добилась внутри их владений Контр-Реформация, причем эти результаты принадлежат в основном дворянству. Но каков был действительный размах эмиграции дворянства Штирии и Австрии?¹³ В какие страны направлялся поток эмигрантов? Каковы были материальные последствия? Насколько глубоки были изменения в среде чешского дворянства? Все эти проблемы решены только частично. Несмотря на важность перечисленных феноменов, выводы должны быть достаточно осторожны из-за недостатка цифрового материала. Например, каковы были потери, понесенные дворянством во время войны? Один критерий нам кажется интересным: дворянство покидало свои средневековые замки в районе боевых действий. Наконец, сколько времени потребовалось на восстановление этих замков?

Таков один из путей понимания истории Центральной Европы и Германии, в частности. Восстановление хозяйства, разрушенного войной, в основном заканчивается в период 1690–1700 гг. Это объясняет, на первый взгляд, резкую реакцию немецкого общественного мнения на уничтожение Палатината. Этим

объясняются также антитурецкие настроения после 1683 г. Габсбурги сумели полностью этим воспользоваться. Каково было участие немецкого дворянства в этих своеобразных крестовых походах, со всеми вытекающими отсюда материальными выгодами?

Стиль барокко¹⁴

«Европа столиц», «стиль барокко», связанный с сельскими районами, в которых доминирует дворянство; «триумфальные» церкви, сентиментальный выход для народа, изнемогающего под бременем тяжелой эксплуатации со стороны дворян и князей — таковы наиболее типичные элементы стиля барокко. Попытаемся привлечь внимание историков к некоторым проводимым исследованиям. Один из самых интересных аспектов этой широкой проблематики — это постоянное место жительства дворян. Без сомнения, имеет место «двойной» образ жизни, тенденция массового переселения дворянства в города (зимой дворяне живут в городе, а летом в деревне). Но этот процесс плохо поддается измерению. Кажется, что, по крайней мере, в нескольких районах в XVII в. выявляется четкая тенденция переселения дворян в города. Это объясняется тем, что жизнь в городах во время войны была относительно более безопасной. Этот процесс весьма ощутим в Бранденбурге, где в XVIII в. он, как и повсюду, ускоряется. Иногда отмечают промежуточный этап: уход из средневековых замков, описанный еще в «Топографии», что связано с разрушениями, причиненными войной, и приводит к строительству временных резиденций, исходя из довольно ограниченных возможностей, периода 1650—1670 гг. Затем следует настоящий уход дворянства в города, сопровождаемый одновременным строительством городских резиденций, что было под силу только очень зажиточным дворянам, и загородных поместий. Ясно, что княжеские резиденции были в этом случае основной точкой притяжения. Наряду с этим непосредственным выступлением дворянства в роли мецената, следует отметить ту поддержку, которую оказывало дворянство строительству церквей и храмов. Наконец, невозможно абстрагировать развитие цивилизации от уровня образования. Например, какова была роль иезуитских колледжей в борьбе в период Контр-Реформации? Или каково было влияние протестантской иерархии на церковную музыку в Северной Германии?

Широта приведенных проблем, а это далеко не полный их перечень, показывает необходимость региональных исследований, так как только такие исследования могли бы дать ответ на

интересующие нас вопросы. Ответы часто будут противоречивы. В некоторых аспектах исследования продвинулись довольно далеко. Габсбургский пример особенно поучителен. Битва при Белой Горе (Montagne Blanche) (1619) означает не только поражение чешского дворянства, но и скрытое поражение протестантского дворянства Альпийских территорий. Штирия потеряла 800 дворян из 85 семей, Каринтия — 160 дворян¹⁵. Из этого вытекает, что участие во всех областях общественной жизни представителей самых старых дворянских фамилий сокращается. Этим объясняется появление на сцене нового дворянства, которое без всякого труда становится частью того, что осталось от старой аристократии. Положение меняется к 1700 г., когда новое дворянство находит дворянское общество восстановленным. К этому времени относится появление «zweite Gesellschaft», типичное для XVIII и XIX вв. В свою очередь, чешское дворянство потрясают катаклизмы. Некоторые исследования показывают, что от силы, одна пятая старого чешского дворянства, исповедующего протестантство, сохранилась в Богемии после 1630—1640 гг. В Хорватии политические тенденции 1670—1671 гг. сходят на нет: хорватское дворянство, лишившись своих руководителей, ориентируется на Венгрию, как это доказывают браки, заключаемые хорватскими дворянами. Венгерскому дворянству, всегда побежденному, но не смилившемуся, удастся, несмотря ни на что, сохранить большую часть своих политических и социальных преимуществ. Оно пользуется даже возобновлением военных действий против Турции. В Тироле дворянство, оставшееся католическим, сохраняет свои прерогативы до наших дней. Таким образом, в одних только зависимых государствах Габсбургской монархии можно выделить, по крайней мере, четыре вида эволюции дворянства, значительно отличающихся друг от друга. Можно ли в этом случае говорить о монолитности Австрийского дворянства?¹⁶

В области экономического развития также можно отметить различные типы эволюции. Повсюду проблема младших сыновей остается главной. Австрийское дворянство (в точном смысле этого термина) пристраивает младших сыновей в армию, как потерянных детей, в то время, как в Пруссии военная служба — это выполнение долга перед государством и, возможно, экономическая необходимость. О долгах прусского дворянства в XVIII в. известно немного. Было ли оно уже опутано долгами, начиная со второй половины XVII в.? Какова была связь между долгами и общим движением цен, в частности цен на зерно? Каково было значение экспроприации крестьянских земель? Как это было связано с экспортом леса и зерна? В какой степени

дворянство принимало участие в торговле? (Идентичный вопрос в Польше.) Каковы были связи дворянства с горнорудной промышленностью? Здесь можно выделить два противоречащих друг другу и одновременно дополняющих друг друга типа эволюции. В Пруссии, как и в Саксонии, можно отметить, начиная с XVI в. и в течение всего XVII в., рост помещичьего землевладения, особенно в восточных районах, за счет включения в помещичьи земли крестьянских полей. В Саксонии удалось с конца XVI в. лимитировать этот процесс принятием целой серии мер охранительного порядка (соблюдаемых в той или иной степени). Но несмотря на это обогащение, часть дворянства запутывается в долгах. В царствование Фредерика Великого (le Grand) рост долгов достигает своего апогея. Этот период не оставил слишком хороших воспоминаний в семьях прусских юнкеров, как об этом свидетельствуют некоторые романы Фонтана¹⁷. Но являются эти долги повсеместным явлением, или они ограничены географически и социально?

Перечисление сопутствующих вопросов и углубление изложенных проблем могло бы еще продолжаться. Но тем не менее, нужно прорезюмировать общее впечатление. Культура Центральной Европы после Тридцатилетней войны характеризуется резко возрастающим влиянием частично обновленного дворянства. Этот факт заслуживает того, чтобы быть отмеченным, тем более, что немецкое влияние на страны Восточной Европы в конце XVII в. и особенно в XVIII в. очень сильно. Причины изменения положения многообразны, но несмотря на все расхождения, а иногда и на противоречия, можно выделить четыре главных элемента:

Тридцатилетняя война, выявив все недочеты существующей военной организации, вызвала быстрое развитие военной техники. Дворянство входит в эту систему военной организации в гораздо большем количестве, чем в предыдущие века.

Восстановление экономики требует вмешательства государства, то есть специальных организаций, состоящих на службе у князя. Приоритет принадлежит восстановлению сельского хозяйства и преимущественно связан с дворянством.

Растущие потребности «администрации», некоторое ослабление буржуазии, развитие (впрочем, мало изученное) дворянского мировоззрения, притягательность княжеского двора и столицы, способствуют проникновению дворянства во все области политической жизни княжеских государств.

Наконец, религиозные проблемы, если и сохраняют видимую важность, отодвигаются на задний план, особенно к концу XVII в.,

в дворянской среде различных стран. Значение этих проблем гораздо менее важно, чем в XVI в. Однако не следует забывать о политических и религиозных последствиях Контр-Реформации (и о реакции, которая за ней последовала).

Но все эти черты проявляются по-разному в зависимости от страны. Европа столиц? Быть может! Центральная Европа, ставшая дворянской, более дворянской во всяком случае, чем в предыдущем веке? Возможно. Кроме того, нужно знать, какой была в действительности дворянская среда, сколько старого дворянства пережило Тридцатилетнюю войну, каково было число тех, которым недавно пожаловали дворянский титул, какую политику проводили различные князья по отношению к этому новому дворянству. Центральная Европа князей? Безусловно. Несмотря на приведенные аргументы, следует считать, что князья, по крайней мере, после 1648 года, представляют собой ведущую силу в политической борьбе. Остается определить основные черты важнейшей проблемы, в какой-то мере подспудной, истории крестьянства, историю взаимоотношений крестьян и их хозяев, определить контакты, которые существовали между сельским дворянством и городской цивилизацией, которая восстанавливается в этот период. Экономическая жизнь Центральной Европы — это один из главных ключей для понимания проблем дворянства.

1 Изучение данного вопроса было облегчено коллоквиумами по немецкому дворянству, которые состоялись в Будинген-Хессе (Budinggen Hesse), первый — в мае 1963 г., второй — весной 1965 г. После этого Хельмут Росслер (Hellmuth Rossler) опубликовал двухтомный сборник: *Deutscher Adel, 1430—1555, Budinger Vortrage*, 1963, 1965, Darmstadt, *Wissenschafliche Qesellschaft t.l: Deutscher Ariel 1555—1740, Budinger Vortrage*, 1964, Darmstadt, 1965.

Оба тома принадлежат к серии *Schriften zur Problematik der deutschen Führungsschichten in der Neuzeit* опубликованной *Ranke-Gesellschaft*. В этих томах можно найти всю необходимую библиографию. В коллоквиумах приняли участие следующие ученые: Daul (Wurzbourg), Domarus (Wurzbourg), Heinrich (Berlin), Helbig (Berlin), Hofmann (Nuremberg), Kageneck (Fribourg-en-Brisgau), Kohl (Münster), Korner (Munich), Lahrkamp (Munster), Lenthe (Celle), Nebinger (Neubourg sur le Danube), Preradovich (Gratz), Rieber (Ulm), Riedenauer (Vienne), Rossler (Darmstadt), Siitig (Gratz), Sutter (Gratz) et Wohlfeil (Fribourg-en-Brisgau).

Сноски обозначены следующим образом: I (том 1), а затем страница данного тома. Я благодарю также наших коллег из секции истории Майнца, и в частности господина Вебера (Weber), которые облегчили нашу задачу и помогли своими советами и документацией.

2 Rossler, I, 240—250.

3 G.Livet, La guerre de Trente ans, Que Sais-je? Paris.

4 Rossler, II, 112–116.

5 Rossler, II, 344–348,

6 Ibidem, II, 342–344; смотреть также недавно вышедшую замечательную работу V.L.Tapie, Monarchie et peuples du Danube, Paris, Fayard, Collection Histoire sans frontiere. Для последующего периода: F.Bluche, Le despotisme eclaire, Paris, Fayard, Collection Les grandes etudes historiques, 1968.

7 Rossler, II, 308.

8 Dietrich Gerhard, Standische Vertretungen in Europa im 17 und 18. Jahrhundert, Gottingen, Vandenhoeck Ruprecht, Veroffentlichungen des Max-Planck-Institut fur Geschichte.

Труды, представленные в международную комиссию по истории ландтагов. Попутно отметим статьи, посвященные, кроме истории Германии, истории Венгрии (Gyorgy Bonis, Die ungarischen Stande in der ersten Halfte des 18. Jahrhunderts), Польши (Hans Roos, Standewesen und parlamentarische Verfassung in Polen (1505–1772), Швеции (Sven Ulric Palme, Vom Absolutismus zum Parlamentarismus in Schweden) и, наконец, Англии (Gerhard A.Ritter, Das britische Parlament im 18. Jahrhundert). Как видно, основное содержание тома – это XVIII в., хотя он содержит и многочисленные заметки по истории XVII в.

9 Если можно себе позволить сделать замечание, то оно касается отсутствия в этих трудах экономического обоснования, которое кажется нам главным.

10 Здесь невозможно дать всю библиографию, касающуюся отношения дворянства к Реформации. Тем не менее, следует привести J.Delumeau, Naissance et affirmation de la Reforme, Paris, 1965, collection, «Nouvelle Clio», № 30, P.U.F. и новое издание, Rossler, I, 248–250 и, особенно, ibidem II, 1–146 (Erwin Riedenauer, Reichsritterschaft und Konfession), круглый стол, посвященный проблеме «Дворянство и религия» (Adel und Konfession); Max Domarus, Der Reichsadel in den geistlichen Firstentimern; Helmuth Rossler, Ergebnisse und Ergänzungen der Diskussion...).

11 Rossler, II, 136–137.

12 Ibidem, II, 200–215.

13 Ibidem, II, 86–90.

14 V.L.Tapie, Baroque et classicisme, Paris, 1957, английский перевод этой книги (увеличенный) «The Age of Grandeur», Londres, 1960; и его статья «Baroque in Encyclopaedia Universalis», tome II, pp. 1090–1098, Paris, 1969; E.Hempel, Baroque Art and Architecture in Central Europe, 1965 etc.

15 Rossler, II, 202–210.

16 Ibidem, II, 205–215.

17 Ibidem, II, 309–311, G.Heinrich делает намек на роман Теодора Фонтана (Theodor Fontane, Der Stechlin), опубликованный в 1899 г. Отношение Фонтана к прусскому дворянству XIX в. требует серьезного анализа.

В нашей библиотеке размещены статьи и книги по проблемам дворянства XVIII-XIX вв.:

[З.Иванова. Дискуссии о французском дворянстве](#)

[Л.Пименова. Просвещение и «дворянский расизм»: особенности идеологии и культуры французского дворянства XVIII века](#)

[Е.Лебедева. Дворянство и налоговые привилегии накануне революции](#)

[Л.Пименова. Дворянство накануне Великой французской революции](#)

[Д.Ливен. Аристократия в Европе. 1815-1914 гг.](#)